

Общая гол. - 1996. - 14 марта -

с. 10.

Я не Лев Толстой, я – Виктор Доценко

Пятого марта королю книжного рынка пожалован Дворянским собранием титул графа «за заслуги перед отечеством»

— Для того, чтобы выжить, любое, самое серьезное издательство должно сегодня иметь свою «золотую рыбку» — откровенно коммерческого писателя, чьи книги окупят любые проекты. Для издательства «Вагриус» таким стали именно вы, Виктор Николаевич. Как произошла ваша встреча?

— Незадолго до своей посадки я, словно предчувствуя ее, передал один экземпляр рукописи романа «Срок для Бешеного» матери в Омск. Только этот экземпляр и остался после моего ареста в 1983 году и разграбления архива.

— А за что вас посадили?

— Я думаю, что за тот же «Срок для Бешеного». Кроме этого, я занимался еще журналистикой в начале 80-х, летал в Афганистан, где меня били на вертолете через три недели моего там пребывания. А потом стали приходить оттуда закрытые гробы с моими друзьями. Я пытался выяснить, почему закрытые. Задействовал некоторых своих «высоких» знакомых. Они кое-что разузнали и говорят: «Тебе к этому близко нельзя подходить». Я не послушался. Видимо, это уже шли потоком наркотики. Я об этом пишу и в романе. Книгу хотели издать «для служебного пользования». Я понял, что меня покупают, как проститутку. Я отказался от сотрудничества. После этого меня обвинили в попытке изнасилования. Адвокат был уверен, что ограничится все сроком предварительного заключения. Прокурор потребовал дать мне пять лет. После посещения неустановленными людьми комнаты для совещания судья дал шесть лет! Я надеюсь, что я еще когда-нибудь напишу о том, что лично пережил.

Представьте, зона под Оренбургом, две с половиной тысячи зеков, из них двое, я в том числе, с высшим образованием — я окончил экономический факультет МГУ и режиссерский во ВГИКе. Менты не любят быстро умных. Зеки не любят москвичей. И умных тоже не любят. Вот эта жизнь между молотом и наковальней, и что они со мной творили — это еще ждет своего часа. Чтобы психологически освободиться.

— Ваш успех у читателя начался со «Срока для Бешеного»?

— Выйдя из тюрьмы в 1988 году, я дополнил рукопись, исходя из своего тюремного опыта, и стал предлагать ее разным издателям. С десяток издательств взялось выпустить книгу. Некоторые уже аванс выплатили. И все. То у них нет денег, то нет бумаги, то просто боялись. Наконец драматург Оскар Никич посоветовал мне написать по роману сценарий и передать на «Мосфильм», где я в конце 70-х работал ассистентом режиссера. Там тоже всем понравилось, но деньги, говорят, найди сам. Это целая история, но деньги я нашел, и режиссер Саша Монахов снял на них фильм под названием «По прозвищу «Зверь». Это начало 90-х, полный успех, я пишу продолжение — сценарий «30-го уничтожить» и теперь уже снимаю его сам. И тут кто-то говорит Григорьеву из «Вагриуса», что есть такой пишущий режиссер. Мы встретились, поговорили, я оставил рукопись. Через два дня он звонит: «Мы вас будем издавать!» И через восемь месяцев, весной 93-го, в мягкой обложке вышло первое издание «Срока для Бешеного». И понеслось...

— Вы сразу стали рекордсменом по продаваемости своих книг, заняли первые строчки в списках

отечественных бестселлеров. Сам собой встал вопрос о продолжении «сериала»?

— Когда Григорьев прочитал первую рукопись, он сказал мне: «Вы не представляете, сколько мы вас ждали! Я был уверен, что рано или поздно такой писатель появится. Вы — классик!» Конечно, я понимаю, что наполовину это была шутка, наполовину комплимент, но он первый так сказал. Еще до всяких изданий. Единственная просьба, которая у него была, это добавить секса. Я говорю: «Нет проблем». Дело в том, что, постеснявшись, я убрал из рукописи все сексуальные моменты. Вставил их на свои места, перенумеровал страницы и через два дня принёс ему. Он прочитал и опять: «О-о-о... У меня впечатление, что вы создаёте свой язык и в эротической прозе!»

— Какие у вас тиражи?

— Сейчас я только что закончил уже шестую книгу «Золото Бешеного». Издатели спешат, чтобы издать ее к 12 апреля — дню моего пятидесятилетия. Я ее еще не закончил, а книги уже редактировали, готовили к печати. Будут работать по ночам, в две смены, чтобы за месяц выпустить тираж. Обычный, так называемый пробный тираж делается в три-пять тысяч экземпляров. Чтобы посмотреть, как книга станет расходиться. Могу сказать, что мой пробный тираж — триста пятьдесят тысяч экземпляров. При этом, издавая каждую новую книгу, ей влогонку дорепечатывают предыдущие. Так что если к концу зимы общий тираж моих книг был за два с половиной миллиона экземпляров, то к середине весны будет уже около трех миллионов. К тому же «Вагриус» сразу после моего пятидесятилетия будет выпускать полное семитомное собрание моих сочинений.

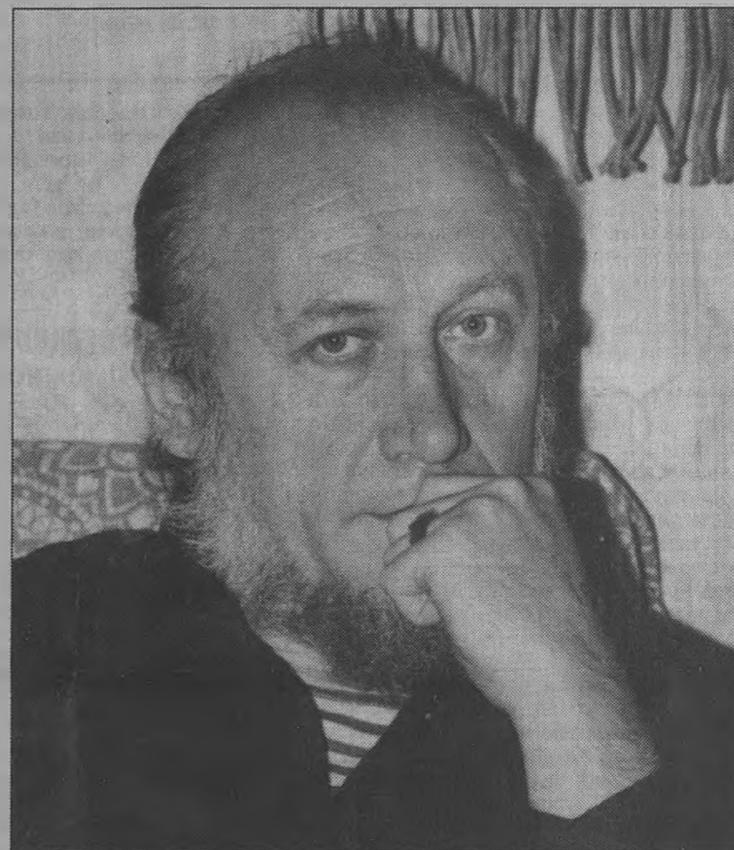
— И вы думаете, все это тоже раскупят?

— Наверное, иначе не стали бы издавать. При этом я уже самый дорогой из ныне живущих отечественных писателей. Пятый том — «Месья Бешеного» шел на лотках по сорок — сорок пять тысяч рублей. И люди берут. Значит, им нравится то, что я пишу, мой вкус совпадает со вкусом читателя.

— С другой стороны, ваш литературный стиль вызывает нередкие нарекания критиков. Его называют примитивным, дурацким...

— Да, я понимаю. Когда еще в 70-е я посылал свои вещи в «Советскую милицию» и прочие подобные издания, оттуда приходили издательские рецензии, нарочитые цитаты... И даже в «Вагриусе» вначале еще пытались изменить мне стиль, но я воспротивился, а потом об этом уже и не заикались. Да, я знаю, что я не Лев Толстой, я — Доценко. Но Лев Толстой мне и не нравится, признаю вам чистосердечно. И вся русская литература мне не нравится. Скучно, нудно. Разго-

Много ли сегодня писателей, у которых выходят семитомные собрания сочинений? Виктор Доценко — едва ли не единственный, заслуживший его трехмиллионным тиражом своих боевиков о бывшем афганце Савелии Говоркове-Бешеном. Нужен социальный психолог, чтобы понять, почему незамысловатая мешанина из криминальных новостей, слухов об НЛО, экстрасенсах, у-шу так действует на нынешнего читателя, что он идет и выкладывает сорок пять тысяч рублей за томик, в котором сюжеты мелькают, как кадры в фильме, с быстротой, не позволяющей задуматься ни на минуту. Может быть, секрет успеха Виктора Доценко в том, что творя нового (старого для Запада) героя, обесценивая старые слова, он пишет современные сказки. Ведь только в сказках добро побеждает зло, но хочется, чтобы так было всегда. Как бы то ни было, перед нами писатель новой страны. А писатель, даже если он не Лев Толстой, это зеркало, в которое всегда интересно посмотреться.

воры, которые так ни к чему и не приводят. Мне нравится действие. Нравится, когда человек в экстремальной ситуации. Когда его характер неожиданно раскрывается. Когда и на сказку похоже, и в то же время полная достоверность происходящего. И всем так, уверяю вас, нравится! Ведь я вначале писал просто роман в память о своих друзьях, погибших в Афганистане. А продолжение шло уже из чисто жлобских побуждений: да что же это, я думаю, все кричат: «Рэмбо, Рэмбо!» Да неужели мы не сможем создать своего российского Рэмбо! Что, у нас нету яркого примера, которому пацаны могли бы поклоняться, а мужчины думать: ну и я так могу? Есть, должен быть! Вот и мой герой — обычный, ненакачанный, шу-пленький паренек. Но он духовно выше своих врагов, что и позволяет ему их побеждать!

— Ваши книги отличаются от традиционного «милицейского романа»?

— Во-первых, я не сюсюкаю над своими героями. Даже если он положительный, это не значит, что у него нет пороков. Я пишу правду. Во-вторых, я каким-то образом предугадываю события, обгоняю время. Так было и с путчем 91-го, и со многими другими событиями. Дальше. Ни одна моя книга не повторяет другую. Ни по своей схеме, ни по стилю. То есть я всегда стараюсь искать что-то новое. Читатель, начиная роман, уже к чему-то готов заранее. И вдруг наталкивается на непредсказуемость. Я не держу планку на одной высоте, но все время стараюсь ее приподнять. Так же и внутри романа главное — не упустить накала. Закончив роман, я всегда через несколько дней его перечитываю как совершенно чужой. Хотя, уверяю вас, мог бы его засыпать прямо в печать! Почему перечитываю? Чтобы быть им захваченным уже как читатель. И если где-то

ощущаю провисание действия, тут же добавляю динамику!

И это меня отличает. Ну возьмите Леонова, который как взялся за своего сыщика, так и будет его тащить через одно и то же в разных обстоятельствах. А у меня? То тюремный роман. То чистый боевик. То мир подпольного спорта и тотализатора. Я, кстати, мастер спорта по десятиборью. То Афганистан. То сатира на «приватизированную зону». В последнем романе мой Савелий Говорков (Бешеный) находит в швейцарском банке «золото партии», становясь единственным обладателем счета на два миллиарда долларов.

— То есть вы четко ощущаете читательскую конъюнктуру, чем можно заинтересовать читателя именно сегодня?

— Да нет, я пишу то, что мне самому интересно. Работая над книгой, я настолько вживаюсь в

своего героя, что мне уже и деньги не нужны, я и на улицу не выхожу. Звоню в издательство, даю список того, что мне нужно, и они сами мне тут же привозят.

— Вы богатый человек?

— Вы мне не поверите, но я даже не знаю, сколько мне там денег идет. Директор говорит, что хочет постепенно подвести меня к тому, чтобы я с первого тиража книги мог купить себе сразу квартиру. Это примерно сорок тысяч долларов. Я ведь до сих пор еще живу в коммунальной квартире, с соседом. Перед иностранцами стыдно, когда они приезжают! Но несмотря на все заверения самого высокого начальства, квартиру так и не дают. Подожду немного еще и сам куплю.

— А «перекупить» вас не пытались?

— Пытались. Недавно одно издательство предлагало за мою новую книгу сто тысяч долларов. Но я и сам требую честности от партнеров, и их обманывать не собираюсь. Пока что мы не разочарованы друг в друге.

— «Воровская психология», несмотря на пять лет тюрьмы и зоны, вас не коснулась?

— Люди, которые не знают, что я сидел в тюрьме, поражаются — как мне удалось сохранить свою наивность: «Да сними же ты розовые очки!» Но я так же верю людям, хоть они меня так же обманывают. Если бы все мои должники отдали мне деньги, я бы мог уже не одну квартиру купить, уверяю вас!

— Вы верите в Бога?

— Верю. Но в Бога, который внутри меня. Кто-то может для меня что-то сделать. А это что-то могу сделать, конечно, только я сам. Я верю в сверхъестественные силы и пишу об этом в своих романах. Я верю в судьбу. Верю в жизнь после смерти. В посвященность человека в высшее знание. Мой Савелий Говорков — посвящен. У него есть Учитель, который приходит ему на помощь в трудные минуты. Когда я еще учился в университете, меня послали на универсиаду в Болгарию и там пригласили на съемки болгарского шестисерийного фильма про индейцев, я играл сына вождя. Там я встречался с Вангой, которая, кстати, рассказала мне о моей тюрьме, что я сильно пострадал, долго буду сидеть в затворе. Во время следствия меня так били, что у меня была частичная потеря памяти, амнезия. Я потерял ориентацию во времени и пространстве. И когда я очнулся, то начал разговаривать по-болгарски, не понимал, где нахожусь. Я выпал в то время, в 68–69-й годы, думал, что еще Брежнев у власти.

— А из напороченного Вангой что-то еще не сбилось?

— Да, она сказала, что до года Крысы я буду один. Так что, надеюсь, в этом году что-то изменится. Я живу сейчас предчувствием появления любимого человека. У меня были жены, есть дети, но я — один, близкого человека нет. Я понимаю, что и я не подарок к Восемью марта. У меня свои сложившиеся привычки, убеждения. Женщина, например, должна любить не только меня, но и мои книги. Ей должно нравиться то, что я пишу.